

Апрель в столице — солнечный, тёплый, с ясным небом.

Но за багряными стенами дворца есть угол, куда никогда не заглядывает солнце.

Он расположен в северо-восточном углу императорского города династии Да Юй. Пройдя через угловые ворота и миновав «Двор Янтин», где живут младшие евнухи, добираешься до самого конца — до той самой комнаты. Комната небольшая: всего несколько кроватей, один стол, и больше — ничего. Она круглые сутки утопает в тени, в неё не проникает ни луча света. Даже в тёплом апреле вокруг неё всё равно ощущается зловещий холодок.

Каждый сезон, когда дворец набирает новых евнухов, тех, кто прошёл первый отбор, приводят именно туда. Там им дают лекарство: если выживешь — станешь служить во дворце, если умрёшь — тебя заворачивают в соломенный мат и вывозят за город.

Но сегодня — не день отбора во дворцовые евнухи.

Тем не менее в ту комнату привели нового человека...

— Угх... а-а...

Сдавленный, полный страдания стон вырвался сквозь приоткрытую дверь и прокатился по узкому, тёмному переулку во дворе.

Казалось, человек, которому принадлежал этот голос, испытывал невыносимую боль — его

крик отдавался отчаянием до костей.

— Что это сегодня, в этой комнате опять кого-то принимают? Ведь не день выдачи лекарства!

— А ты не видел, возле входа стоят люди из Министерства наказаний? Говорят, этого притащили напрямиком из небесной тюрьмы!

Несколько младших евнухов, только что закончивших дежурство, сбились в кучку неподалёку и возбуждённо обсуждали происходящее.

— Когда его вели, я мельком глянул — ему, наверное, лет семнадцать-восемнадцать. Как думаете, на таком возрасте лекарство вообще сработает?

— Неважно, сработает или нет, — вставил другой. — Это снадобье создано, чтобы напрочь убить в человеке плотские желания. Очень сильное. Детям лет семи-восьми, у которых чувства ещё не пробудились, оно почти не вредит. А вот в семнадцать-восемнадцать... не факт, что он вообще выживет. — Он тяжело вздохнул: — Грех какой...

Не успел тот договорить, как чья-то рука с силой хлопнула его по плечу. Он вздрогнул, уже собрался рассердиться, но, обернувшись и узнав, кто перед ним, тут же натянул улыбку и поспешно поздоровался:

— Старший господин Ту, что ж вы удосужились сюда заглянуть?

— Это ещё кого ты стариком назвал? Мне всего двадцать один, на два года младше тебя, между прочим! — фыркнул Ту Даю и не сильно щёлкнул собеседника по лбу. Затем добавил: — Учитель велел мне прийти за молодым господином Цзи... Только вот не знаю, удастся ли сегодня его забрать.

Услышав это, все вокруг разом притихли — не из праздного интереса, а услышав, как он назвал того: «Молодой господин Цзи».

Во всей столице фамилия Цзи была известна лишь одной семье — бывшего главного наставника империи Цзи Вэньчэна, чья родня в прошлом году вся была осуждена. А «молодой господин» — это, конечно же, его младший и любимый сын, Цзи Цинчжоу.

— В прошлом году всё семейство Цзи попало в опалу, — заговорил кто-то. — Третью дочь сослали в публичные дома, двух сыновей приговорили к ссылке. Почему же этот младший на такую судьбу решился? Просил о милости, чтобы попасть во дворец в услужение. Ссылка — дело тяжёлое, но хоть шанс остаться в живых и продолжить род есть. А служба во дворце... разве это не значит, что у семьи больше не будет потомства?

— Тебе-то что знать! — отрезал Ту Даю. — Молодой господин с детства в роскоши выращен, выведи его за пределы столицы — до места ссылки не доживёт, помрёт по дороге. А вот если станет евнухом во дворце — хоть и потеряет надежду на потомство, но жизнь-то сохранит.

А к тому же, это лекарство ведь не калечит тело, как делали в старые времена — там всё вырезали под корень. А тут просто убивает желания, делает человека неспособным к плотской жизни, и всё. Всё остаётся на месте, просто больше не действует.

"Хотя... в семнадцать-восемнадцать лет, когда тело уже сформировано, после такого лекарства неизвестно, выживет ли он." — подумав об этом, Ту Даю не стал дальше болтать с молодыми евнухами, а направился прямо к той зловещей комнате, погружённой в холод и мрак.

— Господин Ту, вы лично? — удивлённо отозвался стражник у двери, завидев его.

Ту Даю кивнул в ответ:

— Учитель меня прислал, за человеком.

— Ха, уж не слишком ли много чести? Наследник знатного рода, выращенный в роскоши, да ещё, поди, и веник в руках не держал, — сказал стражник. — И ради него сам управляющий Яо зашевелился?

— У нас во дворце людей, способных мести пол, хватает. А вот чтобы кто с детства книжной наукой пропитан — таких больше нет, — спокойно ответил Ту Даю.

По правде говоря, для человека такого происхождения, как молодой господин Цзи, служба во дворце — настоящее унижение. Но если кто-то проявляет к нему сочувствие — это вполне естественно. Раньше, при покойном императоре, никто бы и не осмелился открыто выказать жалость к семье Цзи, но теперь, когда на троне новый правитель, кому какое дело?

Тем более, если сам управляющий Яо из внутренних покоев просит за кого-то слово — кто осмелится возразить?

— Управляющий Яо умеет ценить таланты, — сказал стражник и провёл Ту Даю внутрь.

В комнате царил полумрак. Возле самой двери на кровати лежал юноша. Он не двигался, и с первого взгляда было неясно, жив он или мёртв.

От сырости и затхлости в помещении Ту Даю невольно сморщил нос, распахнул дверь настежь, пропуская свет, и только потом подошёл к кровати. Когда он разглядел лицо лежащего юноши, то застыл как вкопанный. Хотя ему доводилось видеть большую часть знатных сыновей столицы династии Да Юй, и среди них встречались по-настоящему красивые, — он был потрясён.

Вероятно, после долгого пребывания в небесной тюрьме молодой господин Цзи сильно исхудал. Его подбородок казался выточенным резцом, а тонкие черты лица от этого лишь сильнее подчёркивали его хрупкую и острую красоту. От боли он бессознательно прокусил губу, и алая кровь окрасила её тонкую поверхность, резко контрастируя с его бледной кожей. Этот красный цвет буквально обжигал взгляд.

<http://bllate.org/book/12928/1134641>